

Ван Хэяо, очевидно, был полон недобрых намерений, но запертый в комнате Шэнь Вэнь уже не испытывал прежнего страха.

Дождавшись, пока тот выйдет из двора, он вернулся к кровати, приподнял край одеяла и извлек оттуда клочок старой изорванной бумаги. Одна сторона этой бумаги была красной, другая белой, а на красной половине виднелась часть иероглифа «□» – явно кусок от новогодней пары стихов, некогда украшавшей двери.

Шэнь Вэнь достал из-за шкафа почерневшую от копоти палку для растопки, сел рядом с лампой и, задумавшись, начал писать на белой стороне бумаги.

В детстве, когда его семья еще жила в достатке, он провел два года в частной школе и научился немного писать. Но с тех пор прошло много лет, и большинство знаний стерлось из памяти. Там, где он не мог вспомнить иероглиф, он подбирал другой, созвучный, или даже заменял слово рисунком. Простая, короткая запись заняла у него довольно много времени.

Когда все было готово, Шэнь Вэнь спрятал палку обратно за шкаф, а бумагу аккуратно сложил и прижал к груди, пряча ее в складках одежды.

Затем он снял с кровати свою подушку и положил ее на стол. Без колебаний он разорвал потрепанный тканевый чехол, достал из сердцевины подушки маленький мешочек. Тот негромко зазвенел — это столкнулись друг с другом медные монеты. Шэнь Вэнь высыпал их на стол, сосчитал, а затем снова спрятал в мешок и, как и бумагу, поместил его к себе за пазуху.

Он встал, вернул подушку на место, но не стал зашивать прорванный край. Просто перевернул ее так, чтобы повреждение оказалось внизу, и на вид все выглядело, как прежде. После этого Шэнь Вэнь поправил свою прическу и одежду, сел на край кровати и стал ждать.

И действительно, всего через четверть часа в воротах двора раздались шаги более чем одного человека. Знакомый мужской голос раздраженно сказал:

— До чего ты довел своего супруга? И еще смеешь просить пять лян за ночь? Это дороже, чем цветок из самого дорогого борделя в городе! Ван Хэяо, говорю тебе, максимум дам два лян, не согласен — ухожу.

Тон Ван Хэяо был полон издевки:

— Лэйцзы, если бы ты действительно не хотел, то не пришел бы. А сейчас, когда уже все решено, начинаешь торговаться? Я ведь помню, как ты облизывался, глядя на Шэнь Вэня, когда я его в дом привел. А про бордель скажу так: тамошние женщины и геры — через сколько людей они прошли? Разве это сравнимо? Если хочешь подешевле — приходи позже. К тому времени эта сучка уже будет сто раз использована.

Мужчина, которого называли Лэйцзы, покраснел, уязвленный столь точным замечанием, но уходить не стал. Он продолжал торговаться:

— Четыре ляна, больше не дам.

Ван Хэяо стиснул зубы:

— Четыре так четыре. По рукам!

Дверь наружной комнаты открылась, затем закрылась снова. Послышались шаги, остановившиеся у двери внутренней комнаты, затем звук ключа в замке.

Все звуки снаружи Шэнь Вэнь слышал предельно ясно. Он спокойно сидел на краю кровати, не двигаясь, только пальцы сжали ткань штанов на коленях так, что побелели суставы.

Замок щелкнул, и в комнату выглянул Ван Хэяо. Увидев, что Шэнь Вэнь поднял голову и смотрит на него, он неловко ухмыльнулся, обернулся и бросил через плечо:

— Подожди немного.

После этого он вошел внутрь, не забыв плотно закрыть за собой дверь. Подойдя к Шэнь Вэню, он потер ладони, ухмыляясь:

— Еще не спишь, да?

Даже у такого бессовестного человека подобный поступок вызвал тень стыда, хотя длилась она всего мгновение. Видя, что Шэнь Вэнь молчит, Ван Хэяо не стал, как обычно, выходить из себя и бить его. Вместо этого он наклонился, приблизился и тихо сказал:

— Лэйцзы пришел. Побудь с ним одну ночь, а завтра я куплю тебе свиную ножку. Сварю, и она будет только твоя. Договорились?

Шэнь Вэнь продолжал молчать, а Ван Хэяо начинал терять терпение. Но, с трудом подавив раздражение, он смягчил голос и заговорил:

— Ты не вини меня. Дом наш вот-вот останется без еды. Я должен как-то выкручиваться. Обещаю, как только соберем денег на семена и удобрения, все прекратим. Эти люди ничего не скажут, никто не узнает.

Шэнь Вэнь опустил взгляд, избегая его.

Ван Хэяо истолковал это как согласие. Он с облегчением вздохнул, но в душе все равно злился. Хотел что-то добавить, но слов не находилось. Наконец, топнув ногой, он зло произнес:

— Я его впущу.

С этими словами он развернулся и открыл дверь, пропуская в комнату слегка полноватого мужчину лет сорока.

Вдруг из соседней комнаты донесся негромкий звук — кто-то зашуршал за дверью. Ван Хэяо мельком взглянул туда и заметил тень, скользнувшую вдоль бумажного окна. Это была его мать, разбуженная шумом. Она все видела, но ничего не сделала, чтобы вмешаться. Это немного его успокоило.

С угодливой улыбкой он проводил Лэйцзы в комнату и, кивнув на сидевшего на кровати Шэнь Вэня, сказал:

— Это Лэйцзы. Он приходил на нашу свадьбу, помнишь? Несколько лет назад даже у нас обедал.

Лэйцзы остановился в дверях и внимательно посмотрел на Шэнь Вэня. Его взгляд заметил шрамы на лице гера, изможденное тело, на котором почти не осталось мяса. Брови мужчины слегка сдвинулись, и он задумался, не слишком ли много отдал за ночь — четыре лян казались ему теперь завышенной ценой.

Но, когда Шэнь Вэнь медленно встал и подошел ближе, свет теплой масляной лампы упал на его худое лицо. Этот свет оживил в памяти Лэйцзы образ того ошеломляющего впечатления, которое он испытал, впервые увидев этого гера несколько лет назад. Тогда он не мог забыть о нем целых три-четыре года.

Смягчившись, Лэйцзы принял окончательное решение. Больше не колеблясь, он улыбнулся, слегка поклонился и, сложив руки, произнес:

— Невестка Ван, извини за поздний визит!

Шэнь Вэнь остановился перед ним, не говоря ни слова, лишь спокойно и внимательно глядя ему в глаза.

Ван Хэяо бегал взглядом от одного к другому, то смотрел сюда, то туда, и лишь теперь ощутил, как неприятное чувство холодной досады растекается по его сердцу. С трудом подавив вспышку ярости, он не сказал ни слова, развернулся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Внутри комнаты Лэйцзы распахнул руки в сторону Шэнь Вэня и с улыбкой сказал:

— Тогда пусть уж невестка Ван поможет мне раздеться.

За дверью Ван Хэяо прижал ухо к деревянной панели, слушая доносящиеся из комнаты шорохи и движения. Его зубы сжимались так сильно, что казалось, вот-вот раздастся треск.

Когда он услышал, как Лэйцзы с усмешкой сказал:

— В эти дни я переборщил с посещением борделей, и теперь это дело у меня не поднимается. Придется попросить невестку помочь и немного поработать ротиком, — мир перед глазами Ван Хэяо закружился, наполненный гневом и ненавистью. Он поклялся про себя, что, как только Лэйцзы уйдет, он обязательно проучит эту маленькую сучку, которая посмела соблазнять чужих мужчин.

В комнате вдруг стало тихо, и, пока Ван Хэяо скрежетал зубами снаружи, тишину внезапно разорвал звук, будто что-то тяжелое рухнуло на пол. Следом за этим раздался нечеловеческий крик Лэйцзы, полный боли и ужаса.

Ван Хэяо вздрогнул всем телом, холод пробежал по спине. Он с размаху выбил дверь ногой и, еще не успев ничего разглядеть, увидел, как на него бросается чья-то растрепанная фигура.

Вместе с этим неожиданным нападением в нос ударил слабый запах крови. Ван Хэяо вскрикнул от страха, но, когда фигура оказалась в свете луны у самого порога, он, к своему ужасу, узнал Шэнь Вэня.

Тот выглядел ужасно: его одежда была растрепана, длинные волосы скрывали большую часть лица, но в прядях можно было заметить кровь, которая залила его губы и подбородок.

Дойдя до Ван Хэяо, Шэнь Вэнь остановился. Лунный свет осветил его лицо, и он медленно раздвинул губы, обнажив зловещую, пугающую улыбку.

У Ван Хэяо задергались веки, его чуть не стошнило, потому что он увидел у Шэнь Вэня во рту огромный кусок кровавого мяса. Убедившись, что Ван Хэяо разглядел все в мельчайших деталях, Шэнь Вэнь с остервенением принялся жевать мясо, дробя его зубами и проглатывая прямо перед ним.

Ван Хэяо был настолько напуган, что едва не потерял рассудок. Позади него послышался еще один громкий звук — дверь снова захлопнулась. Это его мать, которая все это время подглядывала, испугалась до такой степени, что отпрянула назад и тоже захлопнула за собой дверь.

На полу комнаты Лэйцзы катался от боли, зажимая окровавленное плечо, и, корчась, кричал Ван Хэяо:

— Быстрее, хватай его!

Только теперь Ван Хэю пришел в себя. Он попытался подняться, но картина, которую он только что увидел — словно злой дух пожирал плоть, — так напугала его, что руки и ноги стали мягкими, словно ватными, и он никак не мог встать.

Когда наконец, изо всех сил, ему удалось подняться, Шэнь Вэнь уже пересек двор и почти скрылся в ночной тьме. Ван Хэю бросился следом и схватил его за плечо, но Шэнь Вэнь вдруг проявил нечеловеческую силу. Его одежда порвалась, и он, обезумев, вырвался из рук Ван Хэю. Когда тот отдернул руку, он обнаружил, что под ногтями остались куски кожи, смешанной с кровью и грязью.

В этот момент с громким звуком захлопнулась калитка, и Шэнь Вэнь исчез в ночи.

Ван Хэю стоял, ошеломленный, его разум застыл. На подгибающихся ногах он побрел обратно в дом. Звуки мучительных воплей внутри сменились тяжелым, хриплым дыханием. Когда он шагнул в комнату, все его тело словно налилось свинцом. Взгляд Лэйцзы был прикован к плечу — он убрал руку, которая закрывала рану. На плече зияла огромная рана, обнажая окровавленный провал, где не хватало внушительного куска плоти.

□□.....

В разгар ночи, под покровом полной темноты худощавая фигура бежала по пустынной улице.

Его легкие хрипели, словно изношенные кузнечные мехи, две худые ноги часто спотыкались друг о друга, и он не раз падал, ударяясь коленями, локтями и подбородком. Но каждый раз он поднимался, будто не чувствуя боли, и продолжал бежать, оставляя за собой запачканный кровью и грязью след.

Он не знал, сколько времени бежал, сколько раз падал. Когда ноги отказывались двигаться, он переходил на шаг, а набрав немного сил, снова мчался вперед.

Его одежда была разодрана в клочья, испачкана кровью — как своей, так и чужой. На коленях, локтях и груди налипла грязь. Капли крови, засохшие на лице, выглядели как замерзшие рубины. На губах темно-багровая кровь с прилипшими кусочками плоти выглядела особенно жутко.

Его глаза блестели, словно остекленевшие. На лице не было ни слез, ни выражения боли, только стремление — бежать вперед, словно в этом заключалась вся цель его жизни.

Он пересек всю деревню Люси, выбежал на извилистую горную тропу, миновал старое кладбище. Над ним на склонах выли невидимые в ночи дикие звери, но он не останавливался.

Наконец, впереди, у подножия горы, он увидел залитую лунным светом деревню.

Пробравшись внутрь, он нашел старую, знакомую калитку дома семьи Шэнь, которую не открывал уже несколько лет.

Лишь тогда Шэнь Вэнь почувствовал себя настолько измотанным, что его тело больше не могло сопротивляться усталости. Ноги подкосились, и он с глухим стуком рухнул на колени перед воротами, обессиленный и разбитый.

Придя в себя после нескольких глубоких вдохов, Шэнь Вэнь поднял руку, сжал ее в кулак и начал стучать по воротам. Одновременно он, раздирая горло хриплым голосом, закричал:

— Отец, мать, это я, Сяо Вэнь вернулся, откройте дверь!

Внутри двора и дома царила кромешная тьма, не было никакого отклика.

Шэнь Вэнь снова начал стучать и звать:

— Отец, мать, Сяо Вэнь хочет вас увидеть! Прошу, откройте дверь!

В этот момент из глубины дома, наконец, раздались признаки жизни. Слабый свет пробился сквозь бумажные окна, послышался звук открывающейся двери. Старческий мужской голос спросил:

— Кто это там, посреди ночи?

Шэнь Вэнь прижался к двери, поспешно выкрикнув:

— Отец, это я, Сяо Вэнь! Я хочу увидеть вас с матерью!

Внутри двора воцарилась тишина. Спустя мгновение старик сказал:

— Сяо Вэнь, возвращайся домой. Замужний гер, как вода, вылитая из чаши. Слушайся свою свекровь и мужа, живи спокойно, не создавай больше шума. — с этими словами его шаги начали удаляться.

Шэнь Вэнь быстро выпрямился на коленях и снова забарабанил в ворота:

— Отец, дайте мне хотя бы взглянуть на мать! Я увижу ее — и сразу уйду. Я ничего от вас не прошу, я не доставлю вам никаких хлопот. — он запнулся, прежде чем добавить, — Я просто соскучился по своей матери.

Внутри двора старик остановился, глубоко вздохнул и ответил:

— Сяо Вэнь, не вини нас с матерью за жестокость. У нас просто нет выбора.

Сказав это, он перестал слушать зов своего сына за дверью, стиснул зубы и вернулся в дом. С грохотом захлопнув за собой дверь, он направился в соседнюю комнату.

Он осторожно поднял свечу, подошел к дверям и заглянул внутрь.

Через щель в двери он увидел, что человек на кровати дышит ровно и не проявляет признаков пробуждения. Лишь убедившись в этом, он с облегчением вернулся в свою комнату.

Там, на краю кровати, сидела его жена. Ее лицо было залито слезами.

Снаружи не утихали стуки и крики Шэнь Вэня. Поглядев на мужа, женщина с укором произнесла:

— Старик, почему бы тебе не пустить Сяо Вэня хотя бы ненадолго? Кто знает, как он живет в доме этого Вана? Может, он уже на пределе и только потому вернулся к нам.

Старик яростно взглянул на нее и, понизив голос, сказал:

— Ты совсем запамятовала, что за человек этот Ван Хэяо? Еще несколько лет назад он не раз заявлялся к нам, требуя вернуть тот самый свадебный выкуп. Каждый раз устраивал скандалы, а потом уходил только тогда, когда вдоволь набесится. Если сейчас мы пустим Сяо Вэня в дом, он рано или поздно снова вернется. Тогда Ван Хэяо обязательно снова явится сюда с требованиями, а те деньги давно ушли на лекарства для Сяо Тана. Где мы возьмем средства, чтобы вернуть их ему?

Старик злобно усмехнулся и, сдерживая раздражение, продолжил:

— Во всем виноват сам Сяо Вэнь. Это его несчастная судьба, что он в таком возрасте так и не смог подарить семье Ван хоть одного ребенка. Кто в этом еще виноват, кроме него?

Сказав это, он бросил взгляд на дверь в соседнюю комнату, где лежал его больной сын, и раздраженно зашептал, чтобы не разбудить его:

— Тихо, не шуми. Нам и без этого хватает хлопот.

Старуха, заливаясь слезами, сдавленно вскрикнула:

— Мой бедный Сяо Вэнь!

Старик устало опустился на край кровати, его затуманенные глаза полыхнули холодной решимостью.

— Мы перед ним в долгу, — с тяжелым вздохом сказал он. — Но лучше, если он один будет страдать, чем мы все пойдем ко дну. Пусть так и останется. Если хочет, пусть стучит дальше. А мы ложимся спать.

С этими словами он задул свечу, улегся на постель и плотно закрыл глаза, пытаясь отгородиться от зовов снаружи.

Старуха спрятала лицо и уши под одеяло, чтобы не слышать стуков и криков сына. Там, под теплой тканью, она безмолвно плакала.

За воротами стук постепенно стихал. Несомненно, соседские дома тоже слышали эти звуки, но каждый догадывался, в чем дело, и никто не желал вмешиваться.

Спустя какое-то время все погрузилось в полную тишину.

□□.....

Худощавая фигура, шатаясь, поднялась с земли. За всю ночь он ни разу не заплакал, но теперь, наконец, по его лицу потекли слезы.

Шэнь Вэнь поднял руку и провел пальцами по знакомой деревянной двери, словно пытаясь впитать ее тепло. Он задержал взгляд на этом пороге, таком родном и далеком. Затем, собравшись с духом, развернулся и направился в обратный путь.

Он снова пересек кладбище, прошел по горной дороге, затем через всю деревню Люси и добрался до западной окраины деревни. Там, у ворот одного из дворов, Шэнь Вэнь достал из-за пазухи бережно хранимый сверток бумаги и небольшой мешочек с медными монетами. Присев, он аккуратно расправил сверток и вместе с монетами просунул их под щель в воротах.

После этого он поднялся, посмотрел на небо, где уже начала пробиваться первая слабая заря.

Некоторое время он стоял, глядя вдаль, затем поправил свою потрепанную одежду и волосы и направился в центр деревни.

Когда утренний свет только начал освещать деревню, Цю Хэнянь и Цин Янь проснулись.

Они собирались разжечь очаг, чтобы приготовить завтрак, как вдруг снаружи послышался крик:

— Беда! Беда случилась!

Цин Янь хотел выйти посмотреть, но Цю Хэнянь, заметив, что он легко одет, остановил его и вышел сам.

Цин Янь остался в прихожей, нервно ходя взад-вперед. Его охватило странное чувство тревоги, словно надвигалось что-то ужасное.

Спустя несколько минут Цю Хэнянь вернулся. В руках у него было что-то, но Цин Янь даже не успел рассмотреть, так как тот, торопливо набросив верхнюю одежду, сказал:

— Кто-то прыгнул в колодец. Я пойду туда!

Цин Янь встревожился и ответил:

— Я тоже пойду с тобой!

Цю Хэнянь помог ему накинуть верхнюю одежду, и оба поспешили к колодцу.

Их дом находился недалеко, так что добежали они быстро, всего за несколько минут.

Когда они добрались, возле колодца уже собралась толпа. Люди возбужденно кричали:

— Достают! Все отойдите! Дайте место!

Толпа расступилась, и Цин Янь с ужасом увидел, как из колодца на веревке вытаскивают человека. Его тело было мокрым, лицо смертельно бледным, грудь не двигалась — он больше не дышал. Его кожа была белесой, с синеватым оттенком, а лицо и конечности безжизненно обмякли. Когда его положили на землю, его голова повернулась набок, и одна щека почти коснулась земли. На лице еще оставались отчетливые следы побоев, красные отпечатки пальцев выделялись на его бледной коже.

Цин Янь почувствовал, как у него сжалось сердце.

Ему не нужно было долго всматриваться, чтобы узнать этого человека.

Человеком, которого вытащили из колодца, был Шэнь Вэнь.

<http://bllate.org/book/13590/1205194>